

Глеб Сумароков,
аспирант сектора фольклористики
и литературоведения с фонограммархивом
ИЯЛИ КарНЦ РАН

ЭЙНО ГЕНРИХОВИЧ - МИКЕЛАНДЖЕЛО КАРЕЛЬСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

(заметка опубликована на странице «Молодые ученые ИЯЛИ» -
https://vk.com/feed?q=%23%D0%98%D0%AF%D0%9B%D0%9890%A7ion=search&w=wall-143267554_436)

Невозможно было устоять перед соблазном озаглавить эту заметку именно так, ведь этот эпитет принадлежит Елене Григорьевне Сойни – ученице, преемнице, а затем и коллеге одного из самых выдающихся ученых ИЯЛИ Эйно Генриховича Карху (1923-2008).

Литературовед, критик, переводчик, специалист по истории литературы Финляндии и Карелии, финско-русским литературным связям, карело-финскому фольклору, доктор филологических наук (1965), профессор Эйно Генрихович посвятил свою жизнь служению литературе. Казалось, что перед ним была непосильная задача – охватить десятки и сотни лет литературы финского народа. Однако он не только смог погрузиться туда с головой, но и попутно решил показать дорогу и русскому читателю. О финской литературе XIX века он сказал в отечественном литературоведении практически всё. Сами финны шутили, что о литературе Финляндии Эйно Карху знал больше, чем они.

Эйно родился в 1923 году в Ленинградской области в семье ингерманландских крестьян, где был младшим из пятерых детей. В 1931 году в связи с политическими репрессиями семья была выслана на Кольский полуостров, в Хибины (ныне г. Кировск). Эйно Генрихович окончил Петрозаводский государственный университет (1950) и аспирантуру, защитив кандидатскую диссертацию (1956). Через 11 лет ученый стал доктором наук. С 1956 по 2004 год работал в Институте языка, литературы и истории. В 1960–1988 гг. возглавлял сектор литературы ИЯЛИ.

За время работы в ИЯЛИ им опубликовано более 300 трудов, в том числе 15 книг: 6 переведено на финский, 1 – на немецкий. Кроме Финляндии и Германии, его работы издавались в Эстонии, Швеции, Венгрии и США. Не раз Эйно Генрихович выступал и в качестве переводчика художественной литературы. Для него всегда был важен широкий контекст (общероссийский, европейский, мировой). Уже первые книги показывают, что исследователя интересуют не отдельные имена, как бы велики они ни были, а литературный процесс в его историческом развитии. Познакомившись с «Историей литературы Финляндии: От истоков до конца века» (1979) и «Историей литературы Финляндии XX века» (1990) действительно можно сказать, процитировав Е. И. Маркову [4], что «масштаб поставленных задач соответствовал масштабу личности».

Из воспоминаний Е. Г. Сойни [1]: «Моя первая встреча с Карху произошла на вечере, посвященном 150-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского в ноябре 1971 года. Эйно Генрихович, работавший над книгой “Достоевский и финская литература”, выступал с докладом. Я еще не думала о филологии, собиралась поступать на астрономическое отделение математического факультета и на вечер пришла с мамой, сотрудницей отдела гидрологии Карельского филиала АН СССР. В филиальском актовом зале, где это проходило, вдруг погас свет, стало совершенно темно, находчивые организаторы не растерялись и быстро принесли свечу. Свеча стояла на кафедре, освещая его лицо, строгое, но абсолютно не похожее на лики мудрецов, пророков, как их изображают художники-классики, а на стене между барельефами Маркса и Ленина вырисовывалась

большая тень от головы Эйно Генриховича. В моем представлении так выглядел Микеланжело, ваявший со свечой свои работы. Доклад, прочитанный Карху при свете свечи, произвел на меня, можно было бы сказать мистическое впечатление, но Эйно Генрихович не любил слова мистика. Он говорил о противоречивом восприятии финнами творчества русского писателя, о критиках, которые вместо аналитического осмысления предпочитали повторять невнятные слова об отличии русского мистицизма от мистицизма западного, о видных писателях Вейнё Линна и Марианне Алопеус, “обживавших” мир романов Достоевского. Тогда, в 1971 году я даже не предполагала, что через семь лет стану аспиранткой Эйно Генриховича».

Особое отношение у Эйно Генриховича было к поэзии. Он не раз повторял, что в античности проза вообще не считалась литературой. В школьные годы Эйно, еще плохо знавшего русский язык, настолько покорили стихи А. С. Пушкина, что он решил написать его портрет маслом. «В ссылке были примитивные условия жизни, клопы и все прочее», - вспоминал Эйно Генрихович. Пушкин открывал ему совершенно другой мир, мир высокой дружбы, юношеской. С детства Эйно Генрихович писал стихи. Об этом он впервые признался в интервью, посвященному 70-летию юбилею ученого. Сочинял он довольно долго, но все же понял, что поэзия нуждается в особом качестве мышления, и, по его словам, ему это трудно давалось.

В его двухтомной «Истории литературы Финляндии» поэзии отведено немало места. И каждый раз он задавался вопросом: «Что движет тем или иным поэтом - цинизм или сострадание?» Когда книги Эйно Генриховича были изданы в Финляндии, он стал получать огромное количество писем. Финские поэты и писатели были невероятно признательны петрозаводскому исследователю. Молодые университетские преподаватели Финляндии с левыми взглядами восторженно приняли его книги. «Мы читали Карху, как христиане Библию», - вспоминал Кари Салламаа. Но профессора реагировали сдержанно. Подобного панорамного исследования литературы в контексте мировой истории и философии в Финляндии не выходило вообще.

Эйно Генриховичу, что называется, везло на учителей. Его поражали речь и суждения языковеда Д. В. Бубриха, преклонявшегося перед научным подвигом других людей. Как легенду слушал он лекции Бубриха о Матиасе Кастрене, совершавшем дальние поездки в Сибирь. А 27-летний фольклорист Е. М. Мелетинский восхищал Карху своей эрудицией, знанием языков, читал Ронсара* на французском диалекте наизусть, вызывал уважение и даже зависть. Будучи учеником Мелетинского, молодой Карху с особым рвением стал изучать языки: английский, французский, шведский. Немецкий был освоен еще в школе. В Хибинах его талантливо преподавала учительница-немка. Мелетинский стремился опекать молодого Эйно, сделать из него фольклориста, познакомил с другим выдающимся фольклористом В. Я. Проппом, привлек к собственной научной работе, а позже не раз приглашал Эйно Генриховича работать в Институт мировой литературы РАН.

Самоотверженный труд приводил к бессоннице, к отстраненности от домашних забот. Но дом Карху был открыт. Его друзья и коллеги могли прийти в любой момент, предварительно, конечно, позвонив. Это был дом интеллектуала. Картины, стеллажи книг, стопки журналов. В расположении книг - не строгая, строжайшая система. Была видна рука заботливой хозяйки Тамары Прокопьевны - жены Эйно Генриховича. Журналистка, она оставила работу в редакции, чтобы помогать знаменитому мужу.

Карху открыл русскому читателю литературу Финляндии. Его книги написаны блестящим русским языком, они увлекательны и одновременно серьезны. И если верно, что в литературе, особенно в поэзии концентрируется душа нации, то русский читатель по праву может познакомиться с душой соседнего народа по книгам Эйно Генриховича Карху.

* Пьер де Ронсар – французский поэт XVI века.

В 2018 г. на здании корпуса ИЯЛИ КарНЦ РАН была установлена памятная доска Эйно Генриховичу Карху.

При подготовке материала использовались:

1. Карелия: энциклопедия: в 3 т. // гл. ред. А. Ф. Титов. Т. 2: К–П. Петрозаводск: ИД «ПетроПресс», 2009. С. 42. и др.

2. У истоков российской скандинавистики: портреты филологов и переводчиков // Сост., вступит. ст. и коммент. Е.А. Дорофеевой. СПб.: Коло, 2018. 384 с.

3. Эйно Карху - человек, филолог, мыслитель. // Науч. ред. Е. Г. Сойни. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2013. 272 с.

4. Маркова Е.И. Ученый в потоке истории (памяти Э.Г. Карху) // Эйно Карху - человек, филолог, мыслитель. Петрозаводск: Карельский научный центр. 2013. С. 243-261

5. Сойни Е. Г. Беседа с Эйно Карху в канун юбилея ученого (июль 2003) // Эйно Карху – человек, филолог, мыслитель. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013.

